РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 332. 142;331.5.024.5

*И. В. Ищенко,
М. Б. Табачникова,
Ю. И. Трещевский*

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ В СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНОВ ЦЧР

Аннотация: цель. Выявление взаимосвязей стратегического позиционирования промышленного развития регионов Центрально-Черноземного района (ЦЧР) и обеспечивающих его трудовых ресурсов.

Обсуждение. Промышленное развитие России и регионов страны рассматривается в качестве стратегического вектора, содержание которого составляют: положительная динамика объемов промышленного производства, технико-технологическое совершенствование, расширение экспорта, активное импортозамещение, формирование перспективных организационных структур (кластеров, технопарков, индустриальных парков, особых экономических зон, территорий опережающего развития и др.).

Результаты. Анализ стратегий социально-экономического развития ЦЧР показал, что промышленное развитие позиционируется в качестве конкурентного преимущества всеми регионами ЦЧР, причем, независимо от его фактического уровня. В указанных документах демонстрируется высокий уровень внимания к совершенствованию различных аспектов промышленного развития. Обоснована непосредственная связь состояния и динамики промышленного производства с решением социальных проблем, совершенствованием пространственного развития регионов. В стратегиях достигнут в целом довольно высокий уровень соответствия целей, задач, инструментов промышленного развития. В то же время необходимо констатировать, что разнообразие решаемых задач не в полной мере обеспечено программами, проектами развития трудовых ресурсов. Типичный для стратегий набор индикаторов и их количественные характеристики не позволяют четко увидеть перспективы промышленного развития и необходимые для него ресурсы. В наибольшей степени это относится именно к трудовым ресурсам.

Ключевые слова: регион, промышленность, трудовые ресурсы.

UDK 332. 142;331.5.024.5

*I. V. Ishchenko,
M. B. Tabachnikova,
Yu. I. Treshchevsky*

WORK FORCES IN ACHIEVEMENT OF GOALS INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE STRATEGY OF REGIONS OF THE CENTRAL-BLACK-EARTH MACROREGION

Abstract: purpose. Identification of interrelations of strategic positioning of industrial development of regions of Central Black Earth Macroregion (CBEM) and the work forces providing it. Discussion. Industrial development of Russia and regions of the country is considered as a strategic vector which maintenance is made: positive dynamics of industrial outputs, technical and technological improvement, export expansion, active import substitution, forming of perspective organization structures (clusters, technoparks, industrial parks, special economic zones, territories of the advancing development, etc.). Results. The analysis of strategy of social and economic development of CBEM showed that industrial development is positioned as competitive advantage by all regions of CBEM, and, irrespective of its actual level. In the specified documents the high level of attention to improve-

ment of different aspects of industrial development is shown. The direct connection of a status and dynamics of industrial production with a solution of social problems, improvement of space development of regions is proved. In strategy will reach in general quite high level of compliance of the purposes, tasks, instruments of industrial development. At the same time it should be noted that a variety of solvable tasks is not fully provided with programs, projects for development of work forces. A set of indicators, typical for strategy, and their quantitative characteristics do not allow to see accurately perspectives of industrial development and resources, necessary for it. Most it belongs to work forces.

Keywords: *region, industry, work forces.*

Введение

В настоящее время происходит интенсивное формирование региональных стратегий социально-экономического развития страны в связи с принятием закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ [1] и способствующих его реализации документов нормативно-правового и методического характера [2, 3].

Характерные особенности разрабатываемых документов стратегического планирования регионов, в том числе — и регионов Центрального Черноземья, освещены в ряде научных публикаций [4, 5, 6]. Незначительное количество работ освещают взаимосвязи региональных и отраслевых стратегий, региональных условий, организационных структур [7, 8, 9]. В настоящий момент предложены и некоторые подходы к определению количественных параметров трудовых ресурсов в условиях изменяющейся внешней среды. Так, С. М. Степанова предлагает разрабатывать на уровне отрасли стратегию синхронного развития системы трудовых потоков во взаимосвязи с изменяющимися условиями производства, демографическими, социально-экономическими, национальными и иными особенностями систем [10].

Проблема обеспечения различных отраслей региональной экономики трудовыми ресурсами, по мнению С. В. Фильченкова, связана в значительной степени с выравниванием уровней социально-экономического развития муниципальных образований. Решение проблемы автор видит в активизации естественных процессов внутрирегиональной маятниковой миграции [11]. Действительно, это — важный механизм балансирования спроса и предложения рабочей силы. Однако условия Московской области, на примере которой указанный автор формулирует выводы, являются очень специфичными (близость столицы, высокая плотность населения, развитость транспортной инфраструк-

туры). Достаточно сказать, что в действующей стратегии социально-экономического развития Московской области поставлена задача обеспечить 45-минутную доступность рабочих мест, социальных услуг, торгово-досуговых центров, станций скоростного железнодорожного транспорта и пр. [12]. Для остальных регионов возможности спонтанного перераспределения трудовых ресурсов весьма ограничены. В связи с этим необходимо определение в региональных стратегиях четких целей, задач, индикаторов, способов обеспечения трудовыми ресурсами прогрессивных трансформаций промышленности.

Методология исследования

Для определения целей, задач, способов обеспечения трудовыми ресурсами развития промышленности регионов в соответствии со стратегическими приоритетами использован системный подход, предполагающий использование, прежде всего, общего представления о социально-экономической системе, как совокупности взаимосвязанных и определенным образом упорядоченных элементов экономики (субъектов, объектов и связей между ними) [13]. В стратегиях социально-экономического развития регионов указанные элементы системы представлены широким кругом субъектов (органы власти, местного самоуправления, бизнес-сообщество, домохозяйства и др.); объектов (предприятия различных сфер экономики, муниципальные образования, население, способы взаимодействия между социальными группами и т. д.); связей (способы взаимодействия между субъектами — рыночные, административные, прямые, косвенные и т. п.).

Проблема заключается в том, что каждая подсистема, в том числе и интересующая нас в данном случае — промышленность, включает различные элементы, развивающиеся по собственным им сценариям, отличным от сценариев иных подсистем. Исторически сложилось так, что в современных россий-

ских условиях приоритет отдается материальному и финансовому обеспечению стратегий, кадровому отводится вспомогательная роль. По всей вероятности, это — верный подход, связанный с необходимостью получить на реализацию стратегий ресурсы, аккумулярованные в федеральном центре. Но трудовые ресурсы в настоящее время не подконтрольны органам власти ни регионального, ни федерального уровня. Поэтому необходим акцент на инструменты мобилизации трудовых ресурсов, в силу чего и возникает необходимость их представления в документах стратегического планирования.

Подходы к обеспечению промышленного развития в региональных стратегиях

Обратимся к общей логике формирования стратегий социально-экономического развития регионов. В сокращенном варианте она выглядит следующим образом: анализ результатов реализации предшествующей стратегии — стратегический анализ региона — формулирование миссии — определение стратегических целей — выбор приоритетов — формулирование функциональных стратегических целей (целей второго и третьего уровней) — определение необходимых для достижения поставленных целей задач, способов их решения, достигаемых результатов, механизма (инструментов) управления, состава и объема ресурсов. Вполне понятно, что полностью указанная схема реализуется не во всех стратегиях.

В Белгородской области в настоящее время реализуется стратегия, разработанная до 2025 года [14]. Промышленный потенциал занимает центральную позицию в экономическом позиционировании региона [14, с. 15]. Объективные характеристики развития промышленности Белгородской области свидетельствуют о чрезвычайно высокой локализации добычи металлических руд (коэффициент локализации (Кл) — 17,31) и высокой — производства пищевых продуктов (Кл — 3,12), металлургического производства и производства готовых металлических изделий (Кл — 2,18) [14, с. 16—17].

В качестве сильных сторон и возможностей развития региона в сфере промышленного производства отмечены: наличие уникальных запасов железной руды, иных рудных и нерудных полезных ископаемых; расширение

рынка железорудных материалов, металлопродукции, строительных материалов; приток трудовых ресурсов за счет мигрантов из регионов России и СНГ. К слабым сторонам и угрозам отнесены: технико-технологическое отставание многих производств от внешних и внутренних конкурентов; дисбаланс спроса и предложения квалифицированной рабочей силы, несоответствие системы профессионального образования потребностям рынка труда тенденция оттока квалифицированных кадров из АПК [14, с. 70—71]. Как видим, в стратегическом анализе четко прослеживаются взаимосвязи различных аспектов функционирования промышленности и ее обеспеченности рабочей силой.

В составе стратегических целей и приоритетов представлены: развитие высокотехнологичных производств; совершенствование системы целевой контрактной подготовки специалистов в соответствии с потребностями предприятий и организаций области; создание гибкого рынка труда, обеспечивающего максимально полное и эффективное использование трудового потенциала области. Механизм развития промышленности и ее обеспечения трудовыми ресурсами — кластеризация экономики [14, с. 105]. Предложенные мероприятия, обеспечивающие промышленное развитие, традиционны для региональных стратегий: повышение уровня обеспеченности предприятий квалифицированными кадрами, интеграция образовательных учреждений с производственными предприятиями и др. [14, с. 107].

Безусловным достоинством документа является прогнозирование конкретных количественных характеристик, вновь создаваемых высокооплачиваемых рабочих мест в каждом производственном кластере. В то же время, вызывает сомнение утверждение, что для развития всех производств кадровая обеспеченность достаточна [14, с. 103, 111, 114, 119 и др.], поскольку речь в стратегии идет о необходимости модернизации, технико-технологическом совершенствовании и иных аспектах качественного совершенствования промышленности. Меры по обеспечению промышленности трудовыми ресурсами сформулированы в разделе «Развитие рынка труда и эффективное использование трудового потенциала» [14, с. 170—173]. Результаты представлены в общем виде, характерном для документов стратегического планирования

регионов: повышение уровня сбалансированности спроса и предложения на рынке труда области; обеспечение уровня занятости населения не ниже 60 % к численности населения в возрасте от 15 до 72 лет; повышение уровня занятости сельского населения; сокращение разрыва между общей и зарегистрированной безработицей, снижение уровня общей безработицы (до 2,5 % в 2025 году); сбалансированность объемов и качества рабочей силы потребностям рынка труда; повышение уровня человеческого капитала; улучшение условий труда работников, сокращение количества рабочих мест с вредными и опасными условиями труда (до 5 % в 2025 году) [14, с. 172—173]. Исходя из представленных результатов, можно сделать вывод, что основной акцент сделан на социальную составляющую использования трудовых ресурсов, что характерно для всех региональных стратегий.

Широкий спектр мероприятий по достижению соответствия потребности промышленных предприятий в трудовых ресурсах не получил конкретного отражения в планируемых результатах. В составе индикаторов социально-экономического развития с промышленным производством связан только один — объем промышленного производства. Трудовые ресурсы планируются оценивать по уровню общей безработицы и доле занятых в экономике, имеющих профессиональное образование [14, с. 220].

Такой подход является вполне оправданным при «смешанном типе» стратегического планирования, реализуемом в РФ на протяжении 20—25 лет, когда различные функциональные подсистемы регионов рассматриваются то в качестве целевых, то — ресурсных. Ресурсные подсистемы, в том числе и трудовые ресурсы, приобретают доминантное значение, рассматриваются с позиций их собственных параметров, безотносительно к тем функциональным системам, для которых они выполняют обеспечивающую роль. В этой связи заметим, что даже такой важный показатель использования трудовых ресурсов как «производительность труда» оказался в анализируемой стратегии за рамками количественного прогноза.

В Воронежской области в анализе результатов выполнения предшествующей стратегии промышленное развитие представлено двумя показателями: объем отгру-

женной продукции и производительность труда. Представляет интерес тот факт, что уровень достижения планового показателя объема отгруженной промышленной продукции составил 126,3 % — самый высокий уровень среди всех индикаторов; производительности труда — 100 % [15, с. 8].

В стратегическом анализе области развитие промышленности позиционируется как сильная сторона (крупный индустриальный центр ЦФО с диверсифицированной структурой производства) [15, с. 19]. В составе слабых сторон — низкий уровень производительности труда. Как видим, зафиксировано противоречие между достаточно быстрым наращиванием объемов промышленного производства и низкой производительностью труда. Это возможно только в том случае, если воспроизводятся традиционные производства без существенной модернизации.

К возможностям отнесены: спрос на никелевые руды (как условие создания добывающего промышленного комплекса), расширение масштабов финансирования оборонно-промышленного комплекса (ОПК), реализация программ импортозамещения, строительство генерирующих мощностей, создание особой экономической зоны. В составе отмеченных угроз непосредственное отношение к развитию промышленности имеют: обострение межрегиональной конкуренции на рынках продукции и трудовых ресурсов; повышение напряженности на рынке труда; дисбаланс между условиями приложения труда и возможностями использования социальной инфраструктуры; снижение конкурентоспособности традиционной продукции промышленных предприятий региона. То есть, в составе угроз явно представлены проблемы, связанные с наличием и использованием трудовых ресурсов.

Миссия Воронежской области не включает промышленного производства. В структурной композиции стратегической цели первого порядка в «Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года» промышленное производство отсутствует. Трудовые ресурсы представлены повышением уровня занятости, созданием условий «достойного труда», формированием условий для привлечения мигрантов с высоким уровнем квалификации, обеспечением экономики трудовыми ресурсами необходимого каче-

ства, укреплением позиций на рынке высокотехнологичной продукции [15, с. 41—43].

К приоритетным направлениям социально-экономического развития отнесено развитие высокотехнологичного промышленного комплекса [15, с. 96—100]. В задачах обеспечение высокотехнологичного комплекса [15, с. 97—98] трудовыми ресурсами необходимого качества не представлено.

В составе показателей, характеризующих результаты в соответствии с целями второго порядка: увеличение объема промышленной продукции, повышение производительности труда, рост числа экспортеров промышленной продукции [15, с. 98].

В составе способов реализации целей кадровая работа прямо не представлена. Можно, конечно, понять, что инвестиционные проекты, государственные программы и прочие мероприятия предполагают кадровую составляющую, но они не отражают прямых связей между целями промышленного развития и их обеспечением трудовыми ресурсами. В то же время, надо отдать должное стратегии — в составе мероприятий органов власти — внедрение регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста [15, с. 100].

Как видим, в стратегии имеет место определенный дисбаланс между аналитической частью, позиционированием высокотехнологичного промышленного развития на высоких уровнях абстракции (стратегические цели, приоритеты) и мероприятия по его кадровому обеспечению.

Разработка стратегии социально-экономического развития Курской области в соответствии с новым федеральным законодательством только ведется. Впрочем, обращение к документам, разработанным в иных экономических и организационных условиях, также представляет интерес, поскольку позволяет оценить их с позиций «актуализированной ретроспективы». В связи с этим мы обращаемся к действующей стратегии, рассчитанной на период до 2025 года [16]. В экономической структуре области промышленный потенциал оценивается как доминирующий. Одновременно отмечается преобладание устаревших производств, высокий износ основных фондов, снижение доли обрабатывающих производств [16, с. 32—36]. Обеспеченность промышленности трудовыми ресурсами не нашла места

в оценке состояния промышленности региона (во всяком случае в разделе, посвященном анализу промышленности). Оценка трудового потенциала произведена вне связи с промышленным развитием [16, с. 51—54].

В числе диспропорций названо нарастание дефицита высокопрофессиональных кадров рабочей специальности [16, с. 96], впрочем, без указания на конкретные отрасли промышленности, где они востребованы, и в чем выражается «дефицитность». Также традиционно для всех стратегий сделано утверждение о несоответствии структуры подготовки специалистов в вузах потребностям реального сектора экономики, и замедленной реакции предприятий на формирование новой структуры рабочих мест [16, с. 96]. В составе рисков кадровая составляющая представлена только специалистами в системе регионального управления [16, с. 110].

В обобщенном виде результаты стратегического анализа включают в составе сильных сторон высокоразвитый промышленный комплекс, наличие экспортоориентированных предприятий и предприятий-монополистов. Слабые стороны: моноотраслевая структура промышленности (фактически этой слабой стороны нет, как минимум три отрасли имели высокий (по меркам региона) уровень развития)); снижение доли выпуска ряда обрабатывающих отраслей; неполная загрузка производственных мощностей [16, с. 112]. Довольно парадоксально, но низкая загрузка производственных мощностей отмечена именно для тех предприятий, которые представлены как монополисты в сильных сторонах. Состояние трудовых ресурсов не фигурирует в составе сильных либо слабых сторон. Надо отметить, что это — достаточно типичный для первого десятилетия текущего столетия (когда формулировались идеи стратегии) подход — трудовые ресурсы рассматриваются как некая однородная в принципе система, внутри которой можно без сложной системы необходимых мероприятий произвести необходимые трансформации.

Возможности сформулированы на высоком уровне абстракции: повышение конкурентоспособности промышленных товаров, уровня использования производственных мощностей, модернизация предприятия и т. п. [16, с. 113]. Что должно при этом происходить с трудовыми ресурсами, остается

ся неясным. Состав угроз сформулирован более определенно и связан, прежде всего, с прогнозированием технико-технологических трансформаций обрабатывающих производств, сохранением энергетической и сырьевой направленности экономики [16, с. 113]. Угроза кадрового и материально-технического несоответствия в промышленном производстве не представлена.

Миссия не содержит ни промышленного, ни кадрового компонента [16, с. 117], что должно было прямо вытекать из содержания стратегического анализа. В стратегических направлениях и «видении будущего» промышленное развитие в явном виде отсутствует [16, с. 118—119].

В инновационно-прорывном сценарии стратегии достаточно четко зафиксирована связь кадрового и промышленного компонентов экономики [16, с. 133]. Одним из перспективных механизмов реализации данного сценария назван технопарк на базе Курского технического университета [16, с. 142]. Отметим, что позиционирование вузов как центров производственно-технического развития регионов получило распространение практически во всех современных региональных стратегиях социально-экономического развития, что на практике не решило проблем ни бизнеса, но вузов. В документе представлен широкий спектр индикаторов, которые можно отнести к развитию промышленности (показатели инновационной деятельности). Однако, их значения не подтвердились в процессе реализации стратегии. Например, удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций планировался в 2020 году на уровне 45 % [16, с. 144], фактический результат по состоянию на 2018 год — 5,1 %; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг прогнозировался: по группе экспортных товаров — 40 %, на внутреннем рынке — 47,0 %, фактически составил (2018 г.) в целом по промышленности 11,1 % [17, с. 297—298]. Проблема заключается не в индикаторах, запланированных в конкретной стратегии, а в общей постановке вопроса о перспективах промышленного производства — показатели устанавливаются как желаемые. При этом не определяется, кто и на каких основаниях будет осущест-

влять промышленное развитие в качественном и количественном смыслах. В составе направлений реализации промышленной политики указано «формирование системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для современного промышленного комплекса» [16, с. 146].

В составе развиваемых конкурентных преимуществ реализации инновационно-прорывного сценария зафиксировано наличие кадров с квалификацией, соответствующей потребностям бизнеса [16, с. 148]. Скорее всего, речь идет о потребностях функционирующего бизнеса, а они не обязательно совпадают со стратегическими целями региона.

Задачи и мероприятия по повышению конкурентоспособности планируемых кластеров, как одного из механизмов промышленного развития, представлены стандартным набором: координация деятельности промышленных предприятий и образовательных организаций, совершенствование системы подготовки и аттестации кадров и пр. [16, с. 150]. В составе индикаторов реализации стратегии [16, с. 256—258] отсутствуют показатели, характеризующие взаимосвязи промышленного развития и его обеспечения трудовыми ресурсами. Перечень проектов, направленных на реализацию стратегии, включает создание ряда объектов инновационной инфраструктуры на базе ведущих вузов области [16, с. 273—274].

Липецкая область — один из наиболее развитых промышленных регионов не только ЦЧР, но и Российской Федерации. Однако это не в полной мере отражено в стратегических документах региона [18]. Так, промышленность не фигурирует в качестве базовых конкурентных преимуществ.

SWOT-анализ структурирован таким образом, что выделить промышленность среди иных функциональных подсистем в силу их множественности (двадцать две подсистемы) не представляется возможным [18, с. 11—35]. Собственно, оценка состояния промышленности произведена объективно, однако понять, доминирует промышленность или, например, туризм из стратегического анализа нельзя. В итоговой таблице стратегического анализа фигурирует в составе сильных сторон высокий уровень промышленного потенциала. Но это — традиционное позиционирование промышленности практически в любой региональной

стратегии РФ, специфика области, как одного из крупнейших промышленных центров, не отмечена. Напротив, в составе слабых сторон четыре позиции из десяти посвящены промышленности [18, с. 35—36]. Три возможности из девяти (и ни одна из восьми угроз) прямо представляют промышленный блок [18, с. 36]. Ни в одном из квадрантов итоговой таблицы стратегического анализа нет кадрового обеспечения промышленности или ее трансформации. Промышленность в целом в стратегическом анализе явно недооценена.

Миссия и генеральная стратегическая цель в стратегии не сформулированы, представлены стратегические цели, в составе которых промышленное развитие прямо не указано. Имеет место цель — создание инновационной и конкурентоспособной экономики. Индикаторы достижения стратегической цели — объем валового регионального продукта; доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг промышленными организациями; доля продукции, произведенной субъектами МСП, в общем объеме ВРП [18, с. 40]. В составе задач и соответствующих им индикаторов к результатам промышленного развития можно отнести: индекс производительности труда в промышленности в 2014 г. (104,0 % к концу 2019 года); рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики (105 %); удельный вес инновационно-активных организаций в общем числе обследованных (26 %) [18, с. 41].

Среди пятнадцати приоритетов развития области [18, с. 44—58] промышленный блок не выделен, результаты промышленного производства отражены в составе иных приоритетов. Иначе говоря, промышленности отводится роль обеспечивающего звена экономики. В то же время, стратегические векторы развития промышленности четко представлены в блоке перспектив пространственного развития, связанных с расширением особых экономических зон, индустриальных парков.

Количественные показатели индикаторов социально-экономического развития региона [18] применительно к промышленному производству (доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг промышленными организациями; индекс

производительности труда в промышленности к предыдущему году) на период до 2024 года не определены. Кадровые аспекты развития промышленности в составе задач, способов их решения, количественных показателях не конкретизированы.

Стратегия Тамбовской области — недавно принятый документ, разработанный в соответствии с современной нормативно-правовой базой, содержащий необходимые атрибуты [19]. Как и во всех стратегиях экономического района фиксируется наличие высокоразвитого промышленного производства, играющего ведущую роль в экономике области [19, с. 4].

В анализе результатов выполнения «Стратегии — 2020» отмечается значительный рост промышленного производства, повышение доли обрабатывающих производств, модернизация технико-технологической базы, создание высокопроизводительных рабочих мест. В числе проблем, наряду с низким уровнем технической базы отмечена нехватка квалифицированных кадров [19, с. 7]. Примечательно, что анализ выполнения «Стратегии — 2020», начинается именно с промышленности. Расположение разделов и подразделов — не формальный признак, — на первых позициях расположено то, что вызывает наибольший интерес разработчиков и заказчиков документа.

В то же время, в результатах SWOT-анализа промышленность не отмечена в составе сильных и слабых сторон. В составе сильных и слабых стороны трудовых ресурсов отмечены: с одной стороны — оперативность изменения структуры подготовки кадров в соответствии с изменениями потребности экономики (мало распространенная в стратегиях позиция), с другой — падение численности населения, его сосредоточенность в сельской местности, концентрация «трудопотребляемых» видов деятельности в городах [19, с. 112]. В составе возможностей — формирование гибкого рынка труда, угроз — высокая дифференциация населения по уровню доходов [19, с. 116]. Остается неясным механизм негативного влияния дифференциации доходов на состояние трудовых ресурсов. Связь рынка труда с промышленностью в результатах стратегического анализа не отмечена.

Миссия Тамбовской области в документе не сформулирована. В структурной композиции стратегической цели фигурирует

«новая индустриализация» [19, с. 39]. Среди приоритетов отмечена поддержка экспортно-ориентированных высокотехнологичных компаний с высоким уровнем производительности труда и перераспределение в их пользу части ресурсов (без указания — каких именно) [19, с. 39].

В соответствии с целевым сценарием планируется удвоение к 2035 году объемов промышленного производства с индексом физических объемов 106,0 % [19, с. 41]. Такое сочетание параметров представляется не совсем четким. Если речь идет о ежегодном индексе 106,0 %, то к 2035 году должно произойти увеличение объемов промышленного производства в 2,8 раза, если — за весь период, то рост вообще не предусматривается, поскольку на таком длительном промежутке времени — 6 % — значение в пределах точности измерения; если — в конкретном 2035 году, то значение показателя никак не характеризует результат промышленного развития за восемнадцать лет. В то же время, объем промышленного производства в действующих ценах должен возрасти в 4,8 раза, а среднегодовой рост — 4,7 %. К стратегическому документу возникает целый ряд вопросов, на которые, вероятно, имеются ответы. Но позиционирование результатов, при любых условиях, должно быть совершенно однозначным, не допускающим вариантов трактовки.

В составе стратегических направлений развития региона выделено «Новая индустриализация, переход к цифровой и постиндустриальной экономике» [19, с. 76]. К задачам, которые необходимо решить для достижения указанной цели, отнесена «внедрение лучших доступных технологий, повышение экологичности, переход на современные виды сырья и материалов, развитие альтернативной энергетики» [19, с. 79]. Кроме того, предусматривается решение постоянно позиционируемых в современных стратегиях задач: развитие новых и базовых отраслей промышленности, технопарков, формирование IT-отрасли и IT-парка. Необходимо отметить четкое видение того, что для развития отрасли информационных технологий требуется значительное количество специалистов. В связи с этим IT-парк представлен как уникальное по природным характеристикам место проживания и работы специалистов в области

IT-технологий и фрилансеров из других регионов [19, с. 77]. Фактически в стратегии предложен ответ, но вопрос — кто и почему должен участвовать в становлении новой отрасли именно в Тамбовской области. Насколько это эффективно — покажет время, важно, что механизм предложен.

Структура стратегии достаточно сложная, наряду с отраслевым и межотраслевым подходом определения приоритетов, применяется функциональный. В частности, тяготеет к промышленности, но имеет самостоятельное значение «Развитие экспорта» [19, с. 87—93]. В отличие от «отраслевых» блоков в нем представлены не только задачи, но и необходимые мероприятия для их решения, но кадровая составляющая в них практически отсутствует. В составе программ и иных механизмов реализации стратегии в части развития промышленности [19, с. 103] кадровая составляющая отсутствует.

Среди чрезвычайно большого количества индикаторов социально-экономического развития региона (144 ед., что не характерно для современных стратегий), отражают результаты промышленного развития традиционные: индикатор производительности труда и объем промышленного производства [19, с. 154].

В составе программ и проектов, обеспечивающих реализацию стратегии, восемь прямо связаны с промышленным производством [19, с. 163]. Однако, конкретные сроки их реализации, финансовое и кадровое обеспечение не представлены.

Выводы

Обобщение вышеизложенного позволяет сделать следующие выводы.

Промышленное развитие позиционируется в качестве конкурентного преимущества всеми регионами ЦЧР, причем, независимо от его фактического уровня. В то же время в состав миссии региона промышленная деятельность не включается даже в том случае, если она действительно занимает центральное место в экономике.

Анализ выполнения результатов стратегий, предшествующих действующим, исполнен, в основном, фрагментарно, фактические количественные параметры, либо отсутствуют, либо не соответствуют плановым. Исключения из этого правила единичны.

SWOT-анализ и иные методы стратегического анализа демонстрируют слабые, слабые стороны, возможности и угрозы промышленного развития достаточно обоснованно. В то же время обеспечение промышленности трудовыми ресурсами выглядит обычно достаточно противоречиво — присутствует в составе и сильных, и слабых сторон. Угрозы и возможности обеспечения трудовыми ресурсами промышленного развития регионов представлено в обобщенном виде, слабо отражающем его фактическое состояние и перспективные направления совершенствования.

В состав генеральной стратегической цели промышленность не включается, в основном она фигурирует в составе стратегических целей второго или третьего уровней.

Задачи в области развития промышленности содержатся во всех стратегиях областей ЦЧР. В то же время состав задач однотипен и слабо связан с особенностями промышленного развития конкретного региона. Задачи, обеспечивающие достижение стратегических целей сформулированы в общем виде. В их составе необходимые изменения обеспечивающих их трудовых ресурсов не формулируются с достаточной степенью конкретности.

Индикаторы промышленного развития на плановый период, как правило, ограничены объемами промышленного производства (или индикаторами роста) и производительностью труда (или ее динамикой).

Инструментальная база промышленного развития однотипна и включает, преимущественно, способы достижения целей, «модные» в период составления стратегий: отраслевые и межотраслевые кластеры, технопарки, индустриальные парки, особые экономические зоны. Их количество, обычно, превышает реально достижимые результаты. Направленность этих инструментов связана не столько с фактическими конкурентными преимуществами, сколько с заявленными на федеральном уровне приоритетами социально-экономического развития. Такое соответствие является необходимым, но не достаточным условием для формирования сложных и дорогостоящих структур в отраслях, для которых отсутствуют реальные конкурентные преимущества.

Можно отметить, что в стратегиях, составленных в соответствии с современной

нормативно-правовой базой, появляются реальные, важные с точки зрения обеспечения промышленного развития регионов механизмы: стандарты кадровой обеспеченности, локальные центры привлечения кадров для перспективных отраслей промышленности, обеспечивающие реализацию широкого круга экономических и социальных потребностей специалистов и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / КонсультантПлюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/>

3. Методические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, плана мероприятий по ее реализации, организации мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrateg/20160714>

4. *Risin I. E.* Public Authorities and Business on the Possibilities of Region's Development / I. E. Risin, Y. I. Treshchevsky, M. B. Tabachnikova, G. N. Franovskaya // In: Popkova E. (eds). Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management. Contributions to Economics. Springer, Cham, 2017. — P. 55—62.

5. *Рисин И. Е.* Стратегический анализ региона (на примере Воронежской области) / И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский, И. Н. Петрыкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2016. — № 3. — С. 54—64.

6. *Букреев А. М.* Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: особенности разработки, базовые компоненты / А. М. Букреев, И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский // Регион: системы, экономика, управление. — 2017. — № 4 (39). — С. 10—19.

7. Круглякова В. М. Развитие текстильной промышленности в контексте согласования национальной, отраслевой и региональных стратегий / В. М. Круглякова, Ю. И. Трещевский, В. В. Бредихин // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. — 2017. — № 1 (367). — С. 60—67.

8. Прогноз научно-технологического развития Воронежской области по направлению АПК и пищевая промышленность до 2030 года : монография / И. Ф. Хищков, В. Г. Закшевский, В. Ф. Печеневский [и др.]. — Воронеж : Изд-во ГНУ НИИЭО АПК ЦЧР России, 2014. — 93 с.

9. Vertakova Y. The methodical approach to the evaluation and development of clustering conditions of socio-economic space (Conference Paper) / Y. Vertakova, I. Risin, Y. Treshchevsky // 27th International Business Information Management Association Conference «Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth», IBIMA 2016; Milan; Italy; 4 May 2016 до 5 May 2016; Код 123005; ID 57190946908; WOS:000381172300126

10. Степанова С. М. Выбор стратегии синхронного развития системы потоков промышленного регионально-отраслевого комплекса / С. М. Степанова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2012. — № 1 (29). — С. 72—79.

11. Фильченков С. В. Выделение перспективных районов и отраслей, требующих значительного притока рабочей силы в Московской области / С. В. Фильченков // Сервис в России и за рубежом. — 2009. — № 5 (15). — С. 236—250.

12. Стратегия лидерства. Стратегия социально-экономического развития Московской области до 2030 года / veorus.ru/ PDF. — 136 с.

13. Ромащенко Т. Д. Методология исследования экономики, управления и финансов / Т. Д. Ромащенко, Ю. И. Трещевский, Д. Ю. Трещевский ; Воронежский государственный университет. — 2-е изд., с изм. и доп. — Воронеж ; Издательский дом ВГУ, 2018. — 232 с.

14. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года : постановление Правительства Белгородской об-

ласти от 25 января 2010 г. № 27-пп (в ред. постановления Правительства Белгородской области от 18.09.2010 № 299-пп). — 221 с. — Режим доступа: https://www.yandex.ru/search/?lr=193&offline_search=1&text

15. О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года : закон (принят областной Думой 17 декабря 2018 года). — 310 с. — Режим доступа: <https://econom.govvrn.ru.pdf>.

16. Информация о Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года. — Режим доступа: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815

17. Статистический ежегодник Курской области. 2018 : стат. сб. / Курскстат. — Курск, 2018. — 424 с. — Режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru/pdf>.

18. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года : закон Липецкой области от 25 декабря 2006 года № 10-ОЗ (в ред. Закона Липецкой области от 29.10.2018 № 213-ОЗ) // Официальный портал Администрации Липецкой области. — Режим доступа: <https://www.admlip.ru/activities/docs/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya-lipetskoy-oblasti/>

19. О Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года : закон от 4 июня 2018 года № 246-З / Официальный сайт администрации Тамбовской области. — Режим доступа: <https://www.tambov.gov.ru/assets/files/strategy/bc9bb531-f06a-4e4e-92ac-f39f924f8bfb.pdf>

Воронежский государственный университет

Ищенко И. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран

E-mail: ishenko@yandex.ru

Табачникова М. Б., доктор экономических наук, доцент кафедры экономики и управления организациями

E-mail: gmasha3@gmail.com

Трещевский Ю. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления организациями

E-mail: utreshevski@eandex.ru